ГУДОК
г. Москва

1 января 1985 г.

В «ГУДКОВСКОМ КУПЕ»

НИКУЛИН ИГРАЕТ... НИКУЛИНА

Его не надо представлять. Имя его стоит в одном ряду с именами звезд мирового экрана, великих комиков Чарли Чаплина, Тото, Фернанделя, Бурвиля. Его знают решительно все, и у каждого он свой. Специально не буду перечислять его роли, вспоминать его репризы, ставшие давно уже классикой цирка, не буду перечислять его титулы. Пусть каждый мысленно увидит его своим — коверным Юриком, милиционером Глазычевым, Бессольцевым, Иордановым, Семен Семенычем Горбунковым, директором и главным режиссером цирка на Цветном.

А я встретилась с народным артистом СССР Юрием Владимировичем Никулиным другим — уставшим (после двухчасового выступления перед работниками МПС) человеком. И — предложила... сняться в новогоднем кинофильме. В эпизоде, происходящем в гудковском купе. Никулин должен играть... Никулина. Роли корреспондента, берущего интервью, режиссера, пиротехника, оператора комбинированных съемок и директора фильма беру на себя.

Юрий Владимирович вздохнул. И согласился, поставив только одно условие — по одному дублю, не больше!

Итак...

Сцена первая. Дубль первый.

(Купе поезда. Разумеется, перестук колес. За окном морозная, предновогодняя ночь).

Корр.: Чем вы обычно занимаетесь в дороге? Пусть все будет правдоподобно...

Никулин: Чем и все. Сажусь, еду и... ем. Рефлекс нормальный, как у всех пассажиров. Потом пью чай и смотрю на мир в окошко. О чем будем беседовать?

Корр. (доставая блокнот): О Никулине, конечно.

Никулин: Тогда надо вернуться хотя бы на сорок лет назад...

Сцена вторая. Дубль первый.

— Близился последний год войны. После снятия ленинградской блокады, воевали в Прибалтике. Я — юный, старший сержант, командир отделения артиллерийской разведки. В октябре сорок четвертого освободили Ригу. Бои были тяжелые... Нашу часть отвели на отдых в маленький латвийский городок Валмиеру. Удивительно! Тишина, никто не стреляет... В первый же день вызывает меня замполит: «Никулин! Солдаты должны хорошо отдохнуть! Организуйте концерт самодеятельности!». «Почему я?». «Потому что ты веселый и знаешь много анекдотов!».

Приказ есть приказ. Набрал я человек двадцать: кто — песни поет, кто — стихи читает, кто — на балалайке, на баяне, на гитаре, кто — пляшет... Ну и я, конечно, готовлюсь к своему первому в жизни выступлению. Во-первых, в роли конферансье. Во-вторых, пою в хоре. В-третьих, договариваюсь со своим приятелем: «Давай будем клоунами. Белым и Рыжим!». «Давай, — говорит, — а это как?». «Ну, — объясняю, — Белый клоун — умный, а Рыжий — дурачок...». «Согласен, — отвечает, — но я буду Белым!».

Нашли в парикмахерской рыжий парик, раздобыли ботинки 48-го размера, я натянул тельняшку, мой партнер — неведомо откуда взявшийся фрак (под фраком — гимнастерка с ремнем!). Сочинили смешные куплеты на армейские темы, какие-то незамысловатые репризы...

Успех был ошеломляющим. И, думаю теперь, не потому, что мы так потрясающе выступали. Просто люди смертельно устали от войны, от крови и смерти. Люди соскучились по человеческому...

Солдаты хлопали и кричали: «Ну, Никулин, ты даешь! Ты ж артист!». И вот тогда я загадал про себя — если не убьют, буду артистом. Киноартистом, потому что очень люблю кино.

Меня не убили. Вернулся домой. И в первый же вечер, за семейным столом, объявил родным о своем решении. Они не были против.

И я начал поступать во все театральные вузы Москвы. Нигде не взяли. А на приемной комиссии в киноинституте мне сказали: «Мы не можем вас принять. У вас такое лицо... Оно, понимаете, на пленке плохо будет пропечатываться». Пощутили, значит.

Однажды увидел в «Вечерке» объявление: при Московском цирке организуется клоунская студия, принимаются мужчины до 35 лет. Мне было 25...

Сцена третья. Дубль первый.

— Так решилась моя судьба. Я стал учеником Карандаша, знаменитого Карандаша. Нас было поначалу пятеро, но вскоре осталось двое: я и Михаил Шуйдин, тоже бывший фронтовик; танкист, подбивший лично 12 машин, горевший в танке, чудом оставшийся в живых, год скитавшийся по госпиталям. Он стал моим лучшим другом и партнером на всю жизнь. Теперь, когда его нет, я решил — другого партнера у меня не будет никогда...

Корр.: Юрий Владимирович, а у вас есть ученики? И вообще, можно ли научить смешить?

Никулин: Научить нельзя. Можно навести на мысль, помочь. Есть способные — им помогаю, а сказать, что «на улице нашел мальчишку и сделал из него гениального клоуна» — увы, не могу.

Мне надо было 10 лет проработать в цирке, чтобы за кулисы пришел человек и сказал: «Подработать хочешь? Приходи в кино сниматься!». Видно, он не знал, что я на пленке «не пропечатываюсь...».

Сцена четвертая. Дубль первый.

Корр.: Ваша кинематографическая судьба сложилась на редкость удачно...

НИКУЛИН: Думаю, вполне. Только раньше мама обижалась и переживала. Она хотела, чтобы я играл Отелло или Гамлета. А мне доставались поначалу все такие роли... в общем, алкогольного характера... Что жизненной правде, собственно, не соответствует. Мама говорила: «Пусть этих пьяниц и жуликов играют настоящие жулики, а не ты!». А я отвечал: «Ну что ты, мама, им же некогда...». Реабилитировал я себя «Мухтаром», после которого мне стали предлагать серьезные работы.

Сцена пятая. Дубль первый.

Корр.: Это правда, что вы пишете стихи?

Никулин: Редко: Под настроение. Сочинил несколько песен, на цирковые темы в основном: «Цирковая дорожная», «Песня старого клоуна».

Корр.: А не споете?

Никулин: Так нет же гитары...

(Методом комбинированной съемки из ничего возникает гитара).

Никулин чудесно поет. (Читатель может услышать эти песни на недавно вышедшей грампластинке «Музыка цирка»). Потом он откладывает гитару и ожидающе смотрит.

Корр.: Вторую книгу не пишете?

Никулин: Книгу свою писал почти 5 лет — в поездах, в гостиницах, в отпуске, в выходные. Устал. Больше не буду.

Корр.: Тяга к перу, видимо, «наследственная»?

Никулин: Отчасти. В двадцатые—начале тридцатых годов мой отец был репортером. Работал в «Известиях» и (вот сюрприз!) в «Гудке»! Выезжал на маленькие станции, печатал репортажи, хронику, зарисовки.

Корр.: Что можно ждать от вас в наступающем году?

Никулин: Все, что угодно!

Корр.: А в возглавляемом вами цирке на Цветном бульваре?

Никулин: Готовим две программы. Болгарскую и нашу, обе посвящены 40-летию Победы.

Корр.: Что обычно желает Никулин Никулину под Новый год?

Никулин: Здоровья! Будет здоровье — будет все: работа, спектакли, новые роли.

Корр.: А всем?

Никулин: Хочу, чтобы у нас все в новом году сбылось. Желаю всем здоровья, бодрости, чувства юмора, оптимизма. Что такое счастье — никто не знает, но лучше всего сформулировал Назым Хикмет: «Счастье, когда утром очень хочется идти на работу, а после работы — очень хочется домой. Это значит, что у вас все хорошо».

Так будьте счастливы!

Корр.: Минуточку! А автограф на память?

(Методом комбинированной съемки из ничего возникает черный фломастер и лист бумаги).

Никулин пишет и рисует:

Новогоднюю съемку и интервью вела О. КАМЕНЕВА.